

Научно-популярная серия РФФИ

А. Г. Звягинцев

Палачи ада.

Уроки Хабаровского процесса

2020

Научно-популярная серия РФФИ

Александр Звягинцев

**Палачи ада. Уроки
Хабаровского процесса**

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос=Рус)62

Звягинцев А. Г.

Палачи ада. Уроки Хабаровского процесса / А. Г. Звягинцев —
«РИПОЛ Классик», 2020 — (Научно-популярная серия РФФИ)

ISBN 978-5-386-13879-0

Семьдесят лет назад прошел Хабаровский процесс. Сейчас мало кто о нем вспоминает. А ведь именно на нем открылись ужасающие по своей жестокости и бесчеловечности факты. Это было самым настоящим схождением в бездну и преисподнюю. Тогда в 1949 году в Хабаровске судили «палачей ада». Они обвинялись в создании и применении бактериологического и химического оружия, способного уничтожить человечество. Советский Союз приложил все усилия, чтобы не допустить распространения этого смертоносного «пунами» не только на Дальнем Востоке, но и по всему миру. Прошедшие вслед за Нюрнбергским «судом народов», Токийский и Хабаровский процессы поставили окончательную, победную точку во Второй мировой войне. Войне, унесшей жизни более 50 миллионов человек. Итоги процессов послужили фундаментом для выработки новых принципов международного правосудия, которые легли в основу нового миропорядка, а также основополагающих документов Организации Объединенных Наций. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос=Рус)62

ISBN 978-5-386-13879-0

© Звягинцев А. Г., 2020

© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

От автора	7
Вступление	9
Глава I. Нюрнберг – Токио – Хабаровск	15
Взгляд из XXI века	21
Глава II. Рейх «расы Ямото»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Григорьевич Звягинцев

Палачи ада

© Звягинцев А.Г., 2020

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

От автора

В Лежневском районе Ивановской области есть старинное село Чернцы.

Именно сюда зимой 1950 г. по еще не оправившейся от военного лихолетья заснеженной российской земле привезли в сопровождении вооруженной охраны группу мужчин необычного для этих мест азиатского вида.

Везли их до села на санях, мимо занесенных снегом полей, опустевших деревень, почти не встречая людей...

Наконец добрались до русской усадьбы, какие в России еще принято называть тургеневскими. В годы войны здесь размещался лагерь № 48 для немецких военнопленных. По дорожкам усадьбы прогуливался, бывало, неудачливый фельдмаршал Паулюс, сдавшийся в плен под Сталинградом.

Обычным жителям села вход на территорию усадьбы был тогда категорически запрещен. Но были и те, кто проводил там целые дни, – сотрудники расположенного в усадьбе учреждения. Во время съемок фильма «Лаборатория смерти. Апокалипсис по-японски» (я был художественным руководителем сценария этого фильма) съемочной группе удалось пообщаться с некоторыми местными жителями, и они рассказали нам интересные истории.

Татьяна Мотова, работавшая в лагере медицинской сестрой, поведала:

– Я помню не все. Но некоторые события и случаи врезались мне в память навсегда... Новых обитателей лагеря, которых привезли уже после немцев, размещали по два-три человека в комнате. Одеты они были чистенько – пиджачок такой защитного цвета, брюки. Очень прилично.

На втором этаже стояли рояль, бильярдный стол. Они играли в бильярд, гуляли, занимались садоводством... Как медсестра, я обязана была снимать пробы с блюд, которыми их кормили. Для тех тяжелых лет еда была очень даже пристойная. Наши в селе себя такими блюдами побаловать не могли. Помню, они просили приготовить им салат из хризантем... Акклиматизированных для нашего климата сортов хризантем у нас тогда не было. Поэтому в салате заменили лепестки хризантем лепестками наших ромашек. Он мне не нравился. Им тоже.

Киномеханика Валентину Александровну Доколину иногда вызывали показывать заключенным кино.

– Меня строго предупредили: «В разговоры не вступать. Никаких вопросов не задавать, на их вопросы не отвечать». А кино наше им смотреть нравилось. Особенно «Тайна двух океанов»... У них там был свой переводчик.

Вспоминает Галина Никитина, внучка охранника лагеря.

– Мой дедушка говорил, что они отдыхали здесь, как на курорте. Гуляли, выращивали цветы, сочиняли стихи. Тут была и прекрасная липовая аллея, и роща, и пруд с лебедями. Они были спокойные, тихие, всегда любезные. Многие выглядели совсем уже старичками...

Да, у сотрудников лагеря «старички» вызывали порой симпатию, ведь почти никто не знал, что это были преступники, осужденные Военным трибуналом в Хабаровске за подготовку бактериологической и химической войны против человечества, за создание оружия массового истребления людей, действие которого не ограничивается ни линией фронта, ни границами государств, подвергшихся нападению.

Готовясь вызвать смертельные эпидемии среди населения Советского Союза, Китая, Монголии, в частности, среди войск США, японские военные и врачи, гулявшие по липовой аллее в Чернцах, за несколько лет до этого в закрытых лабораториях увлеченно и методично испытывали средства массового уничтожения на живых людях. И были готовы в случае приказа не колеблясь пустить их в дело.

Для советских юристов процесс в Хабаровске, где открылись ужасающие по своей жестокости и бесчеловечности факты, был самым настоящим схождением в бездну, в преисподнюю.

* * *

Прежде чем приступить к рассказу непосредственно о ходе Хабаровского процесса, как мне представляется, следует ответить на несколько вопросов.

После распада СССР наши знания о советско-японской войне 1945 года расширились. Открылся доступ к закрытым документам, позволившим рассмотреть события тех лет более полно и под разными углами.

Однако в этой атмосфере появилось немало желающих «перевернуть» взгляд на те события, лихо переменить позиции, продемонстрировать «смелость» научной мысли, что зачастую оборачивалось погоней за политической конъюнктурой, а то и просто безответственностью.

Увы, усилия «переворотчиков» мало чем отличаются от японской пропаганды, где сохраняется предвзятое и в целом негативное отношение к политике Советского Союза, а ныне России. Где в поколениях целенаправленно воспитывается особое восприятие исторического прошлого. Постоянно муссируются темы «нарушения пакта о нейтралитете», «оккупации северных территорий», содержания в «сибирских лагерях» солдат и офицеров разгромленной советскими войсками Квантунской армии.

Японские СМИ для поддержания концепции «виновности Советского Союза за нападение на Японию» весьма выборочно подходят к публикации документов о вероломной политике и стратегии Токио в годы войны, попросту утаивая многие из них. Нехотя признают существование «неудобных» фактов и документов и многие японские историки. Те же из них, кто пытается объективно рассмотреть историческое прошлое, предлагает альтернативные официальным концепциям выходы из тупика противоречий вокруг пресловутого «территориального вопроса», подвергаются обструкции и остракизму.

Вот тот ряд вопросов, на которые, как мне представляется, необходимо дать ответы.

1) Почему всего через год после окончания Токийского процесса, осудившего японских военных преступников, совершивших чудовищные преступления против мира и человечества, Советский Союз решил провести самостоятельный процесс в Хабаровске? Что за этим решением стояло – действительная необходимость или политическая интрига? На чем разошлись вчерашние союзники?

Частично мы уже затронули эту проблему, но, несомненно, тут нужен более обстоятельный разговор.

2) Чем объясняется вступление СССР в войну против Японии? Почему до сих пор идут споры, было ли оно оправданно? Юридически безупречно? Каким именно был вклад советской армии в победу над японцами – решающим, значительным или весьма преувеличенным? И не была ли операция советской армии легкой прогулкой, разгромом уже деморализованного противника? И как общий вывод: итоги победы СССР в войне с Японией в начале XXI века выглядят не так впечатляюще, как это казалось в 1945 году.

3) Какая идеология стояла за немислимыми с точки зрения нормального человека преступлениями японской военщины, сделала их возможными? Кто ее разрабатывал, с какой целью, на что опирался?

К ответам на эти вопросы сначала и приступим.

Вступление

Токийский и Хабаровский процессы, прошедшие вслед за Нюрнбергским «судом народов» над главными нацистскими преступниками Германии, осудили военных преступников Японии. Именно эти процессы поставили окончательную, победную точку во Второй мировой войне – войне, унесшей жизни более 50 миллионов человек.

Токийский процесс, длившийся более двух лет, с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., в целом выполнил свою миссию, осудив зачинщиков агрессивных действий, направленных на завоевание мирового господства и порабощение мирных народов. Но он все же оказался непоследовательным в избличении и наказании преступников. Тысячи самураев, сеявших смерть и разрушения в одиннадцати захваченных странах, ушли от возмездия. На скамье подсудимых заняли свои места не все политики и военные. Ушли от ответственности те, кто руководил их действиями, кто был подлинным сценаристом трагедии. В первую очередь это относится к тогдашним руководителям крупнейших японских монополий.

К сожалению, в период подготовки Токийского процесса предложения советского обвинителя о предании суду владельцев предприятий военной промышленности, магнатов авиационной промышленности, министров вооружений и других были отклонены.

И в этом ничего удивительного нет, ибо 1946 год открыл новую эру – американская администрация Гарри Трумэна вместе с Уинстоном Черчиллем взяла курс на «холодную войну» с Советским Союзом.

Анализ политической ситуации того времени позволяет сделать вывод, что американские правящие круги во главе с Трумэном сожалели, что в Нюрнберге на скамье подсудимых оказались глава мощного немецкого концерна Густав Крупп и директор Рейхсбанка Ялмар Шахт.

Генерал Дуглас Макартур, возглавлявший военную администрацию в Японии, действуя в строгом соответствии с полученными из Вашингтона указаниями, не повторил «нюрнбергских ошибок»: 30 августа 1947 г. своим приказом он выпустил на свободу главных военных преступников крупнейших японских монополистов. Таким образом, Макартур фактически узурпировал судебную и административную власть в Тихоокеанском регионе и по закулисным политическим соображениям нивелировал решения следственно-судебных органов. Своими действиями американская администрация фактически вручила судьбу японских головорезов послевоенному правительству Японии.

Тем не менее многочисленные факты, установленные предварительным расследованием и судебным следствием, касающиеся роли банкиров и крупнейших монополий, были настолько шокирующими, что даже зарубежные судьи, располагающие десятью голосами из одиннадцати, не решились о них умолчать и обойти стороной. Они фактически пренебрегли давней юридической традицией, согласно которой в приговоре упоминается вина только тех лиц, которые преданы суду. В приговоре, пусть и обезличенно (поскольку ни один из преступников не попал на скамью подсудимых), все же неоднократно фигурируют «промышленники», «банкиры», «дзайбацу» (финансовая клика).

Мировая общественность тогда мало что знала о преступлениях японского военно-промышленного комплекса на краю далекого Азиатского субконтинента. А решение Макаргура на Западе вообще замалчивалось, как и то, что агрессивная людоедская война была поставлена монополиями во главу угла всей внешней политики Японии.

В этих условиях советское руководство приняло решение организовать новый судебный процесс над японскими военными преступниками, затеявшими производство бактериологического и химического оружия, над извергами, с легкой руки которых их пособники хладнокровно уничтожали и пытали людей, проводили над ними бесчеловечные опыты.

Во время своих жутких экспериментов они заражали живых людей, которых им «поставляла» японская армия и разведка. Как это делалось?

Плацдармом для агрессии против СССР, как известно, стала оккупированная японцами Маньчжурия, на территории которой находился город русских эмигрантов Харбин. Это была закрытая территория. Даже у проезжавших мимо поездов специально занавешивали окна, чтобы пассажиры ничего не могли увидеть. Никто не знал, что там происходит.

А происходило вот что. В окрестностях города постоянно исчезали люди. Японские жандармы задерживали на улицах мужчин и женщин якобы по подозрению в разных преступлениях, но в тюрьмы они не попадали... По Харбину ползли жуткие слухи...

Как показал на Хабаровском процессе генерал-майор медицинской службы Киеси Кавасима: «В оккупированной Маньчжурии мы не испытывали недостатка в людях, предназначенных для экспериментов. Ежегодно в порядке “особой отправки” в отряд поступало приблизительно 600 человек».

В центре комплекса находилось двухэтажное бетонное сооружение, которое считалось «адом бревен». А «бревнами» здесь называли людей, на которых проводили опыты. Садисты просто приравнивали их к обычному расходному материалу, они не видели разницы между человеком, бревном или кирпичом...

Снабжение 731-го отряда «бревнами» было хорошо продумано и осуществлялось по тщательно разработанному плану. Людей не просто отлавливали как попало, чтобы доставить на базу для экспериментов, – нет. Повторим: это была четко регламентированная военная процедура, которую невозможно было провести без разрешения командования. Эта система называлась «особые поставки».

Сотрудник отряда рассказывал, что даже после войны никак не мог забыть один случай. Из окна его лаборатории, которая находилась на втором этаже, было видно тюрьму и внутренний двор. И когда он смотрел в окно со своего второго этажа, то всегда видел женщину с дочкой, которые грелись на солнышке. Но однажды девочка с мамой пропали.

Есть свидетельства, подтверждающие, что над женщиной и ее дочерью был поставлен опыт с ядовитыми газами. Там была комната со стеклянными стенами, в нее заводили людей и пускали отравляющее вещество. А «врачи» стояли и наблюдали за ходом эксперимента: что будет, если впустить столько-то литров газа, а потом еще и еще... Мать и дитя были похожи на птиц. Мама-птица обняла своего птенца, и так, обнявшись, они умерли...

Среди принявших мучительную смерть были русские, китайцы, корейцы, монголы, представители многих других национальностей.

* * *

Предыстория Хабаровского процесса связана с тем, что в 1945 году, на завершающем этапе Второй мировой войны, в результате разгрома Квантунской армии в плен было захвачено несколько сотен тысяч японских военнослужащих. В ходе проведенных допросов была получена информация о действовавших на территории Маньчжурии центрах по разработке бактериологического оружия.

Советские органы государственной безопасности провели большую работу по «фильтрации» огромной массы японских военнопленных и выявлению среди них лиц, имевших отношение к исследованиям в области бактериологического оружия. В советских лагерях для японских военнопленных активно проводилась «оперативная работа по выявлению и допросу сотрудников противоэпидемических отрядов Квантунской армии». Постепенно стала проступать масштабная картина преступной деятельности специальных подразделений бывшей Квантунской армии. Вскоре был определен круг свидетелей – 36 военнопленных. В него вошли и будущие обвиняемые Хабаровского процесса.

В это время и возникла идея проведения в СССР самостоятельного судебного процесса над японскими военными, причастными к разработке бактериологического оружия. Помимо справедливого наказания преступников процесс мог бы послужить весомым аргументом в обострявшейся идеологической и политической борьбе с Соединенными Штатами. Уже стало ясно, что бывшие союзники решили использовать японских военных преступников в своих интересах и освободить их от ответственности.

С инициативой проведения суда в СССР официально выступил министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов, направивший 19 февраля 1948 г. в МИД соответствующее письмо. Пятого сентября 1949 г. министр иностранных дел Андрей Вышинский направляет В. М. Молотову письмо, в котором предлагает приступить к подготовке процесса. Ознакомившись с письмом, Молотов поручил вынести этот вопрос на обсуждение ЦК, и уже 7 сентября 1949 г. был подготовлен проект секретного постановления Совета министров СССР, в котором поручалось МВД, Министерству юстиции и Прокуратуре СССР «организовать в Хабаровске открытый судебный процесс над руководящими работниками так называемого противоземлемического отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериальных средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая».

Тридцатого сентября, после согласований, И. В. Сталину был направлен проект постановления ЦК ВКП (б) и Совета министров СССР, утвержденный затем на заседании Политбюро ЦК 8 октября 1949 г.

Сначала судить предполагалось семь человек: генералов Кадзицуку, Кавасиму, Такахаси, Сато, подполковника Ниси и майоров Карасаву и Оноуэ. В это же время обсуждался вопрос о включении в этот список бывшего командующего Квантунской армией генерала Ямаду, который «в целях сокрытия следов деятельности отряда № 731 дал приказ личному составу эвакуироваться в Южную Корею, а помещение уничтожить. Одновременно с уничтожением помещений отряда была уничтожена и тюрьма, в которой находилось до 500 подопытных заключенных».

В двадцатых числах октября 1949 г. начались интенсивные допросы потенциальных обвиняемых. При допросах обязательно присутствовал кто-то из членов приглашенной из Москвы группы ученых-микробиологов. Советские специалисты отмечали, что в своих бактериологических исследованиях японцы продвинулись достаточно далеко.

В ходе следствия были собраны многочисленные доказательства преступной деятельности сотрудников отряда № 731 и его филиалов по созданию, испытанию и фактов использования в боевых действиях бактериологического оружия, проведению бесчеловечных медицинских опытов над людьми, неизбежно приводивших к смерти.

Тридцатого октября 1949 г. всем подозреваемым, а также двум сотрудникам ветеринарного отряда № 100, поручику Хиразакуре и старшему унтер-офицеру Митомо, было предъявлено обвинение по статье 58-4 УК РСФСР.

Все указанные лица свою вину признали, обвиняемый Сато – частично. Таким образом, круг обвиняемых составил уже девять человек.

В конце ноября 1949 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов, министр юстиции К. П. Горшенин и Генеральный прокурор Г. Н. Сафонов доложили В. М. Молотову о завершении следствия в отношении указанных лиц и внесли ряд предложений. В их числе: арестовать и судить генерала Ямаду, переквалифицировать статью всем обвиняемым и судить их по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания немецко-фашистских преступников за злодеяния, совершенные против советских граждан». Как пояснялось, «хотя в этом Указе японские военные и не упомянуты, однако их преступная деятельность аналогична преступлениям немецко-фашистской армии». Всех обвиняемых предлагалось, с учетом собранных доказательств, приговаривать к пребыванию в исправи-

тельно-трудовых лагерях на срок от 10 до 25 лет. Начать судебный процесс планировалось 7 декабря в Хабаровске и закончить не позднее 14 декабря.

После принятия дополнений к Постановлению Совета министров Союза ССР от 8 октября 1949 г. против Ямады было возбуждено уголовное дело по признаку 1 ст. Указа от 19 апреля 1943 г. Такое же решение было принято в отношении еще одного обвиняемого – бывшего санитар-практиканта исследовательского отделения филиала 643-го отряда № 731 ефрейтора Кикучи Норимицу. А 5 декабря военный прокурор подписал постановление о переквалификации обвинения на эту статью всем подозреваемым. Последним, 9 декабря 1949 г., вошел в эту группу Курусима Юдзи, бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731.

Таким образом, процесс, изначально планировавшийся как суд над руководителями отряда № 731, приобрел иной статус. Под следствием оказалось 12 обвиняемых.

Подсудимые

Преступников судил Военный трибунал Приморского военного округа. Председательствовал генерал-майора юстиции Д. Д. Чертков, членами трибунала были полковник юстиции М. Л. Ильницкий и подполковник юстиции И. Г. Воробьев. Государственным обвинителем на процессе выступил Л. Н. Смирнов. Защитниками были адвокаты Н. К. Боровик, Н. П. Белов, С. Е. Санников, А. В. Зверев, П. Я. Богачев, Г. К. Прокопенко, В. П. Лукьянцев и Д. Е. Болховитинов.

Досудебное следствие проводил военный следователь Н. А. Базенко.

Заключение по бактериологическим и медицинским вопросам составляла экспертная комиссия в составе действительного члена Академии медицинских наук Союза ССР Н. Н. Жукова-Вережникова, полковника медицинской службы В. Д. Краснова, заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессора Н. Н. Косарева, доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института Е. Г. Ливкиной, подполковника ветеринарной службы Н. А. Александрова, паразитолога О. Л. Козловской.

Процесс носил открытый характер, и все желающие могли присутствовать на его заседаниях.

По окончании процесса обвиняемые в тяжких преступлениях были осуждены Хабаровским военным трибуналом к различным срокам лишения свободы. Торжество законности и справедливости наконец осуществилось. Страшный эксперимент по распространению бактериологического и химического оружия провалился и был разоблачен. Советский Союз предпринял все усилия, чтобы не допустить массового истребления мирного населения.

Главный урок правосудия на Нюрнбергском, Токийском и Хабаровском процессах заключается в напоминании ныне живущим поколениям о страшной трагедии, грозившей всему миру, о подвиге наших соотечественников и других объединенных наций, о значимости решений состоявшихся судов для миллионов человеческих судеб.

Итоги процессов послужили фундаментом для выработки новых принципов международного правосудия, которые легли в основу и нового миропорядка, а также основополагающих документов Организации Объединенных Наций.

Л. Н. Смирнов

Как уже было отмечено, в силу различных исторических обстоятельств, в которых необходимо разобраться, Токийский процесс оказался непоследовательным, а порой и противоречивым в изобличении и наказании как военных, так и государственных преступников. Мировая общественность тогда мало что знала о роли японского военно-промышленного комплекса в преступлениях на краю Азиатского субконтинента, о том, что именно агрессивная людоедская война была в фокусе внешней политики Японии.

Тысячи головорезов, сеявшие смерть и разрушения в захваченных странах, все-таки ушли от возмездия. На скамье подсудимых заняли места не все политики и генералы, направлявшие и поощрявшие убийц, хотя именно они и были подлинными сценаристами страшных трагедий. Ушли от наказания и руководители японских монополий, чья безудержная жадность и хищническая алчность подпирала и питала агрессивную политику.

Глава I. Нюрнберг – Токио – Хабаровск

Еще в период подготовки Токийского процесса – были, например, отклонены предложения советского обвинителя о предании суду владельцев крупнейших предприятий военной промышленности. Американские правящие круги, как уже отмечалось ранее, посчитали крупной ошибкой, что на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались представители германской промышленности и германского финансового капитала.

Генерал Макартур, возглавлявший военную администрацию в Японии и бывший, по сути, военным диктатором, действуя в строгом соответствии с полученными из Вашингтона указаниями, не повторил «нюрнбергских ошибок». Своим приказом от 30 августа 1947 г. он выпустил на свободу, в числе других военных преступников, крупнейших японских монополистов. Американская администрация вручила судьбу магнатов-головорезов послевоенному правительству Японии, которое, разумеется, не было заинтересовано в громких и справедливых расследованиях.

У политики, проводившейся Макартом в Японии, есть и другое объяснение.

Как писала в своей книге «Хризантема и меч» (1946) американский специалист по социопсихологии Рут Бенедикт, в годы войны по заданию Службы военной информации США занимавшаяся изучением японской национальной психологии (ее наработки легли в основу руководства для американских военных и гражданских чиновников после капитуляции Японии), – центральным стал вопрос о характере оккупации. Соответственно, возникли вопросы: следует ли победителям оставить существующее правительство, даже императора, или их нужно ликвидировать? Надо ли во главе каждого города и района ставить американских офицеров?

В Италии и Германии на местах создавались штабы оккупационных властей в составе боевых подразделений, и полномочия для решения вопросов местного управления были сосредоточены в руках союзнической администрации. После капитуляции Японии многие хотели установить здесь аналогичный порядок. Сами японцы не знали, какую долю ответственности за их внутренние дела оставят за ними. Потсдамская декларация указывала только, что «пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить достижение основных целей» и что должны быть навсегда устранены «власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний».

В директиве ВМС США ответственность за управление страной и ее реконструкцию возлагалась на самих японцев. «Верховный командующий будет осуществлять свою власть через посредство японской правительственной машины, включая императора, с учетом того, что это удовлетворительно способствует целям Соединенных Штатов. Японскому правительству будет разрешено в соответствии с его [генерала Макатура] инструкциями осуществлять обычные права правительства во внутренней администрации».

Таким образом, отмечает Рут Бенедикт в своем исследовании, администрация генерала Макатура в Японии совсем не походила на аналогичные ей администрации в Италии и Германии. Это была исключительно штабная организация, использующая снизу доверху японское чиновничество. Она обращалась только к японскому правительству, а не к японскому народу и не к жителям какого-либо города или района. Ее обязанность – ставить цели перед японским правительством, над достижением которых оно должно работать.

Преимущества такой политики, надо отметить, были вполне очевидны. Как сказал тогда американский генерал Хилдринг, «выгоды, получаемые от использования национального правительства, огромны. Если бы не было подходящего для наших целей японского правительства, нам пришлось бы непосредственно иметь дело со сложнейшим механизмом управления страной с семидесятимиллионным населением. Все эти люди отличаются от нас языком, обы-

чаями, отношениями. Наводя порядок и используя как его орудие японскую государственную машину, мы экономим нашу рабочую силу и наши ресурсы. Иными словами, мы заставляем японцев наводить порядок в своем доме, но в соответствии с нашей инструкцией».

Когда эта директива еще разрабатывалась в Вашингтоне, многие американцы опасались замкнутости и враждебности японцев, «бдительных мстителей», которые могут саботировать любую программу мирного строительства. Эти опасения оказались напрасными. В глазах японцев такая политика помогала принимать сам факт поражения не как унижение, а как возможность начать новую национальную политику.

Однако нельзя не отметить, что у этой политики была и обратная сторона – многие военные и политические преступники ушли от ответственности и избежали какого-либо наказания за свои деяния, принесшие огромную горе народам мира.

Вот только один характерный пример – Исии Сиро. Сын помещика, дипломированный медик, выпускник императорского университета Киото, преподаватель Военно-медицинской академии в Токио, с начала тридцатых годов он фанатично проповедовал идею бактериологической войны, убеждал в ее выгоде и дешевизне. Бактериологическая лаборатория под его личным руководством появилась в Маньчжурии вскоре после японской оккупации. В целях секретности ее называли «отрядом Того». Это из него, из этого отряда, вырастет позже, под началом все того же Исии Сиро, отряд № 731, где начальником внутренней тюрьмы станет его старший брат. Он возглавит это человеконенавистническое учреждение, можно сказать, «по зову сердца» – вольноопределяющимся. Такой вот семейный подряд по массовому умерщвлению людей.

Исии Сиро дважды покомандовал отрядом № 731 – при его становлении, когда проводились первые опыты на людях, и в самом конце, с марта 1945 года. Он истово трудился до последнего дня, но все-таки успел сбежать в Японию, где его нашли американцы. Несмотря на требования советской стороны, они так и не выдали Сиро Хабаровскому трибуналу. Они вообще вывели из-под судебной ответственности персонал всех четырех отрядов. Под трибунал попали лишь те, кого удалось отловить в августе-сентябре частям советской армии.

Главных организаторов подготовки бактериологической войны – Исии Сиро и заменившего его на посту руководителя отряда № 731 с марта 1942 г. Китано Масадзо, которого также указывали в запросе советского правительства, – американцы не пожелали привлечь к суду. Почему? В обмен на гарантированную безопасность Сиро и Китано Масадзо передали ценные секретные данные, касающиеся бактериологического оружия, американским специалистам. Так что труды отряда № 731 не пропали даром.

Исии Сиро американцы выделили в Токио специальное помещение, где он занялся приведением в по рядок материалов отряда № 731, вывезенных из Пинфаня. А советской стороне, потребовавшей выдачи организаторов и виновников совершавшихся военных преступлений, был дан проникнутый беспредельным и наглым лицемерием ответ, что «местопребывание руководства отряда № 731, в том числе Исии Сиро, неизвестно, и обвинять отряд в военных преступлениях нет оснований».

Исии Сиро

Вот что говорил об этой стороне дела уже в наше время на Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов» Джитендра Шарма, президент Международной ассоциации юристов-демократов.

На Токийском процессе были существенные упущения.

Во-первых, несмотря на то что он был задуман как суд над лидерами Японской империи, ни император Хирохито, ни другие члены императорской семьи не были подвергнуты судебному преследованию.

Есть исторические доказательства, свидетельствующие о том, что генерал Макартур предпринял все возможное для защиты императора Хирохито, поскольку в планах США на послевоенное развитие тому была отведена особая роль. Есть явные доказательства того, что США позволили важному японскому обвиняемому скоординировать свои показания таким образом, чтобы император мог доказать свою невиновность и избежать обвинения в свой адрес.

Критики даже заявляют, что Токийский суд «был в основном юридической процедурой, направленной на то, чтобы с императорской семьи была снята вина и чтобы она избежала уголовной ответственности». А некоторые заходят еще дальше, заявляя: «Получив полную поддержку штаба Макарура, обвинение действовало фактически в роли группы защиты императора».

Джитендра Шарма

Важно отметить, что генерал Макартур позаботился о том, чтобы Хирохито и другие члены императорской семьи не попали в одну сеть с военными преступниками. Тогда императору не нужно было отречься от престола, и его можно было использовать как орудие Соединенных Штатов в послевоенной Японии. Сохранение имперской системы стало важным для США, которые считали, что введение оккупационного режима пройдет легче и управлять Японией станет проще, если в центре власти останется император. США и японские правящие круги были сообщниками в спасении существующей тогда системы с императором в центре и в

предоставлении иммунитета императору. Фактически последующая роль Японии, полностью зависящей от Соединенных Штатов, стала прямым следствием этой политики.

Ученые из воинской части № 731 японской армии, которая проводила эксперименты на людях с биологическим оружием с целью ведения бактериологической войны, намеренно не были предъявлены суду Токийского трибунала. Установлен факт, что те официальные лица и врачи, которые сдались американцам, так никогда и не предстали перед судом, поскольку генерал Макартур секретно предоставил иммунитет ученым и врачам воинской части № 731 в обмен на то, чтобы они передали американцам свои исследования по биологическому оружию и их результаты.

В 1981 г., когда в «Бюллетене ученых-ядерщиков» была напечатана статья, в которой детально описывались эти эксперименты на гражданском населении, судья Роулинг (из Нидерландов, в то время – последний из живых членов Токийского трибунала) заметил: «Как одному из судей Международного военного трибунала мне очень горько узнать, что в соответствии с приказами из центра самые отъявленные японские военные преступники держались под секретом и были скрыты от судебного преследования правительством США».

Таким образом, доказательства были скрыты от трибунала, и исполнители чудовищного преступления не были подвергнуты суду. Военные преступники избежали суда, а мир был лишен важных данных, касающихся материалов и результатов исследований биологического оружия и его разрушительного воздействия.

* * *

Информация о действовавших на территории Маньчжурии центрах по разработке бактериологического оружия появилась, когда в результате разгрома Квантунской армии в плен было захвачено несколько сотен тысяч японских военнослужащих. Советские органы государственной безопасности провели огромную работу по фильтрации военнопленных и выявлению среди них лиц, имевших отношение к исследованиям в этой области.

В декабре 1949 г. перед судом в Хабаровске за изготовление и использование биологического оружия во время Второй мировой войны предстали 12 человек. Все 12 были признаны виновными и приговорены к различным срокам наказаниям – от 2 до 25 лет. Однако в 1956 г. все осужденные были репатриированы в Японию.

Одновременно был поднят важнейший вопрос, который актуален и сегодня: об ответственности США за взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки 6 и 9 августа 1946 г. Вторая мировая война была практически завершена, и в сбрасывании бомб не было никакой необходимости – США просто хотели проверить потенциал нового оружия. Цена «проверки» – мгновенная смерть 200 тысяч невинных людей и медленная, мучительная смерть 100 тысяч «хибакуши» – тех, кто умер от лучевой болезни впоследствии.

Взгляд из XXI века

В. А. БОБРЕНЕВ

Когда 3 мая 1946 г. в Токио начался Международный трибунал для Дальнего Востока, более известный как суд над японскими преступниками, организованный Соединенными Штатами Америки, одним из пунктов обвинений должно было стать обвинение в испытании японцами бактериологического оружия. И сначала американцы вроде бы планировали сотрудничать по этому вопросу с советской стороной.

Однако очень быстро представители США изменили свою позицию. Американский обвинитель, которому были предоставлены доказательства деятельности отряда № 731, не стал рассматривать этот вопрос на суде. Поэтому в Токио ничего не было сказано о том, что ждет впредь тех, кто попытается когда-либо использовать бактериологическое оружие в целях достижения каких-то своих преступных целей, военных целей.

Создатель отряда № 731 Исии Сиро постарался принять все меры для того, чтобы его сотрудники не попали в плен к советским войскам. Перед побегом раздал им ампулы с цианидом, который они, как истинные самураи, должны были принять в случае задержания. Но яд не пригодился. Хотя советские войска наступали стремительно, большинству членов отряда № 731 удалось бежать из Харбина еще до их прихода в Маньчжурию. Они сбежали в Северную Корею, затем в Японию и оказались в зоне американской оккупации, в распоряжении Соединенных Штатов. И те решили использовать их по-своему.

В этом плане мы можем сказать, что Советский Союз стал инициатором разоблачения тех лиц, которые готовили бактериологическую войну. Это было сделано именно на процессе в Хабаровске.

Владимир БОБРЕНЕВ, юрист, автор девяти документальных и художественных книг (2017 г.)

На одном из последних заседаний Токийского процесса со стороны американского обвинителя Тавеннэра в адрес подсудимых прозвучали такие слова:

«Эти люди знали разницу между добром и злом. Они знали, какими обязательствами они торжественно связали свою страну. С полным знанием всего этого они добровольно выбрали путь зла, предпочтя не выполнять обязательства и обмануть доверие своего собственного народа и народов других стран.

Зная все это, они добровольно предпочли встать на дорогу войны, принеся смерть и несчастье миллионам людей и вызывая разрушение и ненависть всюду, где проходили их войска. Они поставили на карту судьбу своего народа и как обыкновенные преступники везде приносили только лишь смерть, зло, разрушение и хаос тем, чья судьба была им вверена. И за этот выбор эти люди предстали перед трибуналом, ожидая приговора.

Глава II. Рейх «расы Ямото»

О них нужно судить по тому, что они сделали, и по тому, что они намеревались сделать. Они предпочли действовать таким образом по своему собственному выбору. Их выбор пал на агрессию, на путь войны, и они сделали это свободно и добровольно. За этот выбор они должны нести ответственность».

Согласимся, впечатляющие слова. Но как и почему японское общество встало на «путь зла»? Какие идеи привели его на этот путь?

Отмечу сразу: идеологической основой «японского рейха» были идеи об исключительности японцев – «расы Ямото», об их праве подчинять себе другие народы, господствовать над ними. Японцев убедили в том, что у них нет перед другими народами никаких моральных обязательств, что им все дозволено. Сей идеологический диктат во многом и объяснял впоследствии те жестокости, которые творили солдаты и офицеры японской армии не только на поле боя, но и в оккупированных городах и селах.

Попытки колониальной эксплуатации «низших рас», проживающих на территории Китая и Кореи, власти Японии начали предпринимать еще в начале XX века. Летом 1910 г. японская армия фактически аннексировала Корею, которая оставалась колонией Японии вплоть до окончания Второй мировой войны.

Вторая мировая война создала благоприятную обстановку для осуществления Японией захватнических планов в Тихоокеанском регионе. В официальных документах японских властей эти усилия провозглашались как борьба за создание «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» и предусматривали присоединение к Японии колониальных Австралии, Филиппин, Бирмы, Таиланда и Новой Зеландии, а также части Китая. План заключался в том, чтобы, освободив восточноазиатские страны от западного колониализма и предоставив некоторым из них независимость, на деле взять их под жесткий контроль, сделать своими бесправными сателлитами.

Целью зачинщиков агрессивных войн было завоевание мирового господства, порабощение мирных народов и утверждение права «сильных и избранных» не соблюдать никаких правил и моральных норм в отношении «низших» рас.

Нельзя не отметить: идеологическая основа «японского рейха» мало чем отличалась от идеологии германского фашизма. Но была и своя специфика. О ней, например, говорил на процессе адвокат Белов, защищавший подсудимого Ямаду.

«Мой подзащитный Ямада родился в 1881 году.

Карл Маркс о Японии того времени писал: “Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками”.

Именно *средневековьем*, с его господством грубой силы, произвола, с его политическим беспорядком, темнотой и забитостью народных масс, владычеством церкви, преследованием науки, зверскими расправами с передовыми людьми того времени, – именно так охарактеризовал основоположник научного коммунизма ту историческую среду и условия общественного бытия, в которых родился и провел свои ранние годы Ямада».

Во второй половине XIX века на политической арене Японии появились четыре богатейших семьи – Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда. Их дома быстро превратились в империалистические монополии, пользуясь государственной помощью и всемерной поддержкой императорского двора.

Революция 1868 года сохранила феодальные устои в Японии. А конституция 1889 года, составленная по образцу прусской конституции, сохраняла за императором *неограниченную* власть.

В период революции 1868 года дом Мицуи оказал финансовую помощь императорской династии в ее борьбе против сёгуната – правительства феодальной Японии. Мицуи и Мицубиси содействовали возведению на трон 15-летнего Муцухито, годы правления которого были названы «эпохой Мейдзи».

Капиталовложения в императорский дом оказались взаимовыгодными. Например, дому Мицуи были переданы все права на леса и горные разработки. Императорская фамилия за период после реставрации превратилась в богатейшую в мире династию, владеющую несметными богатствами.

В XIX веке в Японии появился термин «дзайбацу». Историк Тойохара Ичоро называет дзайбацу монополистическим капиталом, развившимся в феодальных условиях, но точный перевод слова «дзайбацу» – финансовая клика. Обогащению клики способствовал дешевый труд. Агрессивные войны в Китае и Маньчжурии, которые вела Япония в течение полувека, показали всему миру, какими путями дзайбацу укрепляла свое могущество. Японский император Хирохито назвал Вторую мировую войну «священной войной Японии». Эта «священная война» обогащала прежде всего кланы Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуды и еще двадцати семей «новых дзайбацу». Недаром Страну восходящего солнца называли и называют «царством дзайбацу». С выгодой для дзайбацу «человеческую мясорубку» обслуживало более 360 заводов. На поля сражений непрерывно поставлялись пушки, снаряды, самолеты, бомбы... Также по воле дзайбацу готовилось и применялось бактериологическое оружие.

Понимая невозможность ведения войн без мобилизации широких масс населения, дзайбацу способствовали отравлению сознания японского народа ядом воинствующего национализма. Шовинистическое воспитание детей в семье и школе, милитаристическая пропаганда в печати и искусстве, система жандармского шпионажа и полицейского террора, религия, социал-фашистские партии – всё было направлено на обработку широких народных масс. И в первую очередь зомбированию подвергались военнослужащие. В основу всех форм и методов, посредством которых японский империализм формировал послушного солдата, был положен принцип божественного происхождения, вечности и незыблемости японского монархизма.

Характерным для японского милитаризма и империализма являлось сочетание современных – «новейших капиталистических» – форм организации, особенно в области вооружения, тактики и стратегии, со старыми, *феодальными* формами отношений в армии. Идеология, в которой воспитывался японский солдат, – самурайская, то есть опять-таки феодальная. Весь кодекс воинской морали (*бусидо*), которым должен был руководствоваться офицер, от обожествления меча самурая и преклонения перед императором как высшим существом до харакири в случае военной неудачи или «потери лица», проникнут глубоко феодальными идеями и чувствами.

Под «самурайским», или «японским духом» («Ямато дамасо»), которым было пронизано все общество, понимался дух превосходства японцев как *особой, избранной свыше нации*. В головы японцев насаждалось презрение к врагу, как к существам низшим, «варварам». «Самурайский дух» питал фанатиков, веривших, что смерть сделает их святыми.

Вспомним камикадзе (в переводе – «божественный ветер»; так назывались летчики, ценой собственной жизни выводившие из строя вражеские корабли). Фанатичность камикадзе превозносились не только японской пропагандой, но и мировой буржуазной прессой, а религия синто учила, что дух «счастливец», умершего за императора, превращается в божество и, следовательно, ему обеспечено бессмертие.

После Первой мировой войны японский империализм «модернизировал» феодально-самурайскую идеологию, соединив ее с хищнической идеологией фашизма. Это еще больше усугубило разбойничий характер всей военной машины и внешней политики Японии.

Политическим следствием «обогащения» идеологии явилось, как известно, заключение с гитлеровской Германией и фашистской Италией «антикоминтерновского пакта» в 1936 г. и военного пакта трех держав в 1940-м.

Бредовая теория «высшей расы» внушалась японскому народу и японским военнослужащим еще более глубоко, чем «ариям» немцам.

Служебная роль расизма заключалась в том, чтобы обосновать стремление японских империалистов к порабощению народов Азии, а затем и к мировому господству.

Наряду с этим, как доказано документальными данными и свидетельскими показаниями на Токийском процессе, начиная с 1928 г. в Японии систематически и беспощадно уничтожались все элементы демократии. Государственный аппарат Японии перестраивался по фашистскому образцу, и всякий намек на сопротивление подавлялся самыми беспощадными мерами.

Трудно обойти молчанием тот факт, что «Ниппон гинторое» – учебник для японских школ, написанный профессором Ютакой Хобино, – поучает, что Бог снизошел на землю и воплотился в японском императоре, «имея целью управление расой Ямато, расой богочеловеков».

«Наша священная империя стоит в мире над всем в единственном и недостижимом превосходстве», – говорится в этом катехизисе для японского юношества. Руководящей клике удалось добиться того, что до разгрома Японии во Второй мировой войне почти каждый японец считал, что миссия «божественной расы Ямато» – подчинить все народы и добиться господства над миром. Принцип «Хакко ичоу», согласно которому все страны света должны находиться под скипетром императора, пропагандировался везде и всюду.

Когда агрессоры включают в свое военно-стратегическое планирование террор, зверства, массовое уничтожение людей, они всячески стремятся гарантировать безнаказанность исполнителям кровавых акций. Освобождая их от ответственности и наказания, тем самым они освобождают их от «условностей» морали.

Еще раз хочется отметить сходство германского нацизма с японским.

Германское Верховное командование в своей директиве от 13 мая 1941 г. прямо декларировало: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия... составляют воинское преступление».

Приказом от 16 декабря 1942 г. германское Верховное командование, ориентируя свои войска на преступные действия в борьбе против партизан, заранее амнистировало исполнителей этих акций: «Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд¹, не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке».

Идеологи японского милитаризма в этом плане ничуть не отличались от своих союзников. И точно так же они трусливо уничтожали следы своих преступлений.

На Токийском процессе документов высших японских властей о совершении военных преступлений в большинстве случаев не оказалось. Разумеется, это не значит, что их не было. Вот что говорилось по этому поводу на Токийском процессе:

«Когда стало очевидным, что Япония вынуждена будет капитулировать, были приняты организованные меры, дабы сжечь или уничтожить каким-либо другим образом документы и другие доказательства плохого обращения с военнопленными и гражданскими интернированными лицами.

¹ Так нацисты именовали участников национально-освободительной борьбы.

Японский военный министр приказал всем штабам армий немедленно сжечь все секретные документы. В тот же день начальник жандармерии разослал различным жандармским управлениям инструкции, в которых подробно излагались методы эффективного уничтожения большого количества документов. Начальник отделения лагерей для военнопленных² отправил 20 августа 1945 года начальнику штаба японской армии на острове Формоза циркулярную телеграмму, в которой предписывалось: «С документами, которые могут оказаться неблагоприятными для нас, если они попадут в руки противника, следует обращаться так же, как и с секретными документами, и по использованию уничтожать». Эта телеграмма была отправлена в японскую армию в Корею, в Квантунскую армию, в армии в Северном Китае, Гонконге, Мукдене, на острове Борнео, в Таиланде, в Малайе и на острове Ява».

Очевидцы говорили, что Токио был окутан клубами дыма от сжигаемых в правительственных и военных учреждениях документов – замечались следы преступлений.

В этом же документе содержалась директива, адресованная лицам, совершившим военные преступления:

«Личному составу, который плохо обращался с военнопленными и гражданскими интернированными лицами или к которому относятся с большим недовольством, разрешается ввиду этого немедленно переехать в другое место или скрыться без следа».

Таким образом, японское Военное министерство, уничтожая документацию, компрометирующую власти Токио, одновременно приняло все меры, чтобы, с одной стороны, спасти военных преступников, а с другой – избавиться от опасных свидетелей.

Нацистские преступники на процессах в Нюрнберге и Токио отказывались признать себя виновными. Вряд ли они действительно считали себя белыми овечками, просто им, еще совсем недавно почитавшим себя за сверхлюдей, не хватило ни смелости, ни совести взять вину на себя. А впрочем, возможно, они действительно считали себя невиновными, ибо, как заявил адвокат Такаянаги, объясняя мотивы преступлений, совершенных немецкими и японскими военными служащими, «такой вид действий может являться лишь отражением национальных или расовых особенностей. Преступления не меньше, чем величайшие произведения искусства, могут выражать характерные черты, отражающие нравы расы...»

Иными словами, совершая кошмарные злодеяния, подсудимые просто воплотили в себе характерные черты «расы Ямато» и «нордической расы». А их преступления, если следовать логике адвоката, можно сравнивать «с величайшими произведениями искусства».

Что же тут еще добавить? Разве что процитировать приговор Токийского трибунала в той части, где говорилось о преступлениях против законов и обычаев войны, о том, что нельзя назвать иначе, чем нечеловеческие зверства:

«После тщательного рассмотрения и изучения доказательств мы пришли к выводу, что в таком приговоре, каким является настоящий приговор, невозможно полностью изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств; для полного описания масштаба и характера зверств необходимо сослаться на протокол заседаний трибунала.

Доказательства, относящиеся к зверствам и другим преступлениям против законов и обычаев войны, представленные трибуналу, устанавливают, что с начала войны в Китае до капитуляции Японии в августе 1945 года пытки, убийства, изнасилования и другие акты жестокости самого бесчеловечного и зверского характера широко практиковались японской армией и флотом. В течение нескольких месяцев трибунал принимал устные и письменные показания свидетелей, которые подробно сообщали о зверствах, совершенных на всех театрах войны в таком широком масштабе и, тем не менее, по одному и тому же образцу, что можно сделать только один вывод, а именно: совершение этих зверств либо секретно приказывалось, либо

² Административный отдел по делам военнопленных при Бюро военных дел японского военного министерства.

преднамеренно разрешалось японским правительством или отдельными его членами и руководителями вооруженных сил.

Безжалостные убийства военнопленных путем расстрелов, обезглавливания, утопления и другими методами; марши смерти, в которых военнопленных, включая больных, вынуждали проходить большие расстояния в условиях, которые не могли бы вынести даже хорошо натренированные войска; многих из военнопленных, которые отставали, конвоиры застреливали или закалывали штыками; принудительный труд в тропической жаре без защиты от солнца; полное отсутствие жилищ и медикаментов, во многих случаях приводившие к тысячам смертных случаев от болезней; избиения и пытки всех видов для получения сведений или признаний, или за мелкие проступки; убийства без суда пойманных военнопленных после побега и за попытку к бегству; убийства без суда захваченных в плен летчиков; и даже людоедство, – все это только часть зверств, доказательства о которых были представлены трибуналу.

Молодых людей в Японии учили на основе двух заповедей: первая – “величайшая честь умереть за императора”; вторая – “сдача в плен противнику является позором”.

Общей целью этих двух заповедей являлось то, чтобы внушить японским солдатам презрение к солдатам союзников, которые сдавались в плен, что, в нарушение правил войны, было продемонстрировано в их обращении с военнопленными.

К концу Тихоокеанской войны японская армия и флот дошли до людоедства и ели тела союзных военнопленных, которых они незаконно убивали. Эта практика имела место не без ведома и согласия командования японской армии и флота».

Одним из авторов расистской теории японского превосходства, «отцом японского фашизма», считается Сюмэй Окава. О нем стоит сказать отдельно – слишком важную роль играл он в становлении японского нацизма.

В 1911 г. Окава окончил философский факультет Токийского университета, специализировался в области классической китайской и индийской философии и религии. Участвовал в работе ряда националистических обществ. В 1918 г. вместе с радикалами создал Общество старых борцов («Росокай») – дискуссионный клуб, призванный объединить как «правых», так и «левых» радикалов националистической ориентации. В 1920 г. на основе «Росокай» было создано Общество сомневающих («Юдзонся»), пропагандирующее экспансию в Китай.

С 1918 г. Окава занимал руководящие посты на Южно-Маньчжурской железной дороге.

В начале 1930-х гг. был одним из организаторов заговоров против власти. В 1934 г. предстал перед судом по делу об убийстве премьер-министра Инукаи, совершенного двумя годами ранее, однако виновным был признан лишь в том, что его идеи и сочинения побудили мятежников к преступным действиям. В конце 1935 г., после краткосрочного тюремного заключения, вышел на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.